
ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА

Вокруг Пушкина: Дух, Закон и Свобода в дискуссии 1990-х гг.

© 2020 г. А.Б. Ковельман

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Институт стран Азии и Африки, Москва, 125009, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.*

*E-mail: arkady.kovelman@gmail.com
<http://istina.msu.ru/profile/akovelman>*

Поступила 13.11.2019

Духовность русской культуры ярко проявила себя в ходе дискуссии, развернувшейся среди пушкинистов в последней декаде XX в. В этой дискуссии приняли участие либералы и консерваторы, западники и почвенники. Все они обсуждали природу Духа. В центре спора были сложные взаимоотношения между Духом, Свободой, Законом и Беззаконием в художественном творчестве и в истории России. Одна за другой появлялись статьи выдающихся исследователей: В.С. Непомнящего, И.З. Сурат, С.Г. Бочарова и И.Б. Роднянской. Удивительным образом они высказывали и отвергали идеи, которые высказывались и оспаривались со времен Сократа и Платона. Мы можем проследить развитие этих идей и споров от «Государства» Платона до Посланий апостола Павла и от «Левиафана» Гоббса до «Капитала» Маркса. Актуализация полузабытых идей и повторение отзвучавших дискуссий может быть чертой любого поворотного момента в истории человечества. Но апокалиптическое видение и интерес к духовности были специфическими чертами российских интеллектуалов на пороге третьего тысячелетия.

Ключевые слова: И.З. Сурат, В.С. Непомнящий, С.Г. Бочаров, И.Б. Роднянская.

DOI: 10.21146/0042-8744-2020-4-92-104

Цитирование: Ковельман А.Б. Вокруг Пушкина: Дух, Закон и Свобода в дискуссии 1990-х гг. // Вопросы философии. 2020. № 4. С. 92–104.

Around Pushkin: Spirit, Law, and Liberty in the Debates of the Ninetieth

© 2020 Arkady B. Kovelman

*Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University,
11/1, Mokhovaya str., Moscow, 125009, Russian Federation.*

*E-mail: arkady.kovelman@gmail.com
http://istina.msu.ru/profile/akovelman*

Received 13.11.2019

The spirituality of Russian culture exposed itself explicitly in the discussion that unfolded among Pushkinists in the last decade of the XXth century. Liberals and conservatives, Westernizers and Slavophiles, they were debating the nature of “Spirit”. They discussed the interplay of Spirit, Liberty, Law, and Unlawfulness in Russian poetry and history. Those who participated in this discussion were prominent Russian literary critics, such as Valentin S. Nepomnyaschy, Irina Z. Surat, Sergei G. Bocharov, and Irina B. Rodnyanskaya. In the course of the debate, they uttered and rejected ideas that have been around since the days of Socrates and Plato. We can trace the development of these ideas from the “Republic” by Plato, to “Leviathan” by Hobbes, the letters of Paul, and “Capital” by Marx. Discourse that mainstreams bygone ideas and disputes characterizes many turning points in history. Yet the interest in spirituality, accompanied by apocalyptic visions, became the key characteristic of the intellectual dispute in Russia at the turn of the 21st century.

Keywords: Valentin S. Nepomnyaschy, Irina Z. Surat, Sergei G. Bocharov, Irina B. Rodnyanskaya.

DOI: 10.21146/0042–8744–2020–4–92–104

Citation: Kovelman, Arkady B. (2020) ‘Around Pushkin: Spirit, Law, and Liberty in the Debates of the Ninetieth’, *Voprosy Filosofii*, Vol. 4 (2020), pp. 92–104.

Хоть тяжело подчас в ней бремя,
Телега на ходу легка;
Ямщик лихой, седое время,
Везет, не слезет с облучка.

*А.С. Пушкин.
Телега жизни. 1823 г.*

1990-е гг. были временем невиданной свободы и неслыханного унижения России. Как и во всякую революционную эпоху, категории и понятия, некогда имевшие сугубо теоретический смысл, вышли на поверхность. Поражает невероятная степень архаики в их осмыслении. Не только славянофилы и западники былых времен, но и Гоббс, Платон и апостол Павел были приняты всерьез. Одним из тех, к кому обратились за судом и подсказкой, стал Пушкин. Его стихи меньше читали, его книги меньше покупали, но сам он приобрел статус страдающего спасителя. Официозное празднование его двухсотлетнего юбилея добавило оскорбление к несправедливости. Ходил анекдот о «новом русском», который удивился обилию постеров с изображением поэта: «Какого-то Пушкина раскручивают». И.С. Сурат назвала свои горестные заметки «Пушкинский юбилей как заклинание истории» и завершила их словами тревоги и надежды: «В статьях последних лет В.С. Непомнящий развивает мысли о том, что именно Пушкин

удержит Россию на краю бездны и что Россия призвана всему миру указать путь спасения. Прав ли он – не знаю. Может или не может Россия что-то еще предложить миру – это вопрос веры. А значит, и Пушкин и его будущая судьба – тоже вопрос веры. По вере нам и воздастся» [Сурат 2000; Сурат 2009, 537].

На какие же вопросы хотели получить ответы тогда? Статья И.Б. Роднянской, опубликованная в 1996 г., начиналась со слов: «При неизбежном ныне чтении газет, при выслушивании всевозможных политических рацей мне все чаще приходило на ум: а как там об этом сказано у Пушкина? [Роднянская 1996, 62; Роднянская 2006, 29]. Очевидно, что «в пушкинской россыпи поэтических формулировок есть упорно повторяющиеся ключевые слова»: *свобода, закон, честь, толпа, народ*. «Свобода» сопрягается с «законом» и «честью».

...свобода» («вольность») в пушкинской афористике всегда сопрягается на уровне поэтическом с «законом», а на уровне личного поведения и общественного настроения – с «честью». Свобода и закон – Свобода и честь. В особых пояснениях это не нуждается. Первое – нормальное состояние гражданского общества, второе – желательное состояние гражданина... Свобода, вольность – «святая»... в пушкинистике уже отмечалась ее сакрализация на основе Священного Писания... Потому-то свободе соответствует не всякий, а именно «вечный» закон, то есть естественный закон, также имеющий сакральный корень, – и уже во вторую очередь – «законы мощные», возведенные на его основе людским законотворчеством. Сочетание двух святынь обеспечивает гражданскому населению («народам») «вольность и покой». Таков ранний Пушкин... У позднего же Пушкина двуединство «вольности и покоя», как известно, будет задвинуто на задний план другой формулой: «покой и воля» частного лица, неприкосновенность частной и семейной жизни, центральные ценности, от которых ценности жизни гражданской – только производные [Роднянская 1996, 71–72; Роднянская 2006, 38].

Ранний Пушкин заботится о законе. Поздний Пушкин склонен к покою. Но нигде у Пушкина, утверждает Роднянская, источником закона не признаются не контролируемые вечными истинами решения большинства. Между мирским и священным порядком бытия проведена незримая граница, права отступают перед честью. «Общество как силовой параллелограмм интересов, общество, этим себя исчерпывающее, показалось бы Пушкину кошмаром. Оно и есть политический кошмар наших дней...» [Роднянская 1996, 74; Роднянская 2006, 41].

Перед нами по существу спор идеалиста с теорией общественного договора (этот договор Роднянская сводит к «параллелограмму интересов»). Одну из первых версий такого спора мы находим в «Государстве» Платона. Теорию общественного договора представляет ученик Сократа, Главкон (358e–359b):

Говорят, что творить несправедливость обычно бывает хорошо, а терпеть ее – плохо. Однако, когда терпишь несправедливость, в этом гораздо больше плохого, чем бывает хорошего, когда ее творишь. Поэтому, когда люди отведали и того и другого, то есть и поступали несправедливо, и страдали от несправедливости, тогда они, раз уж нет сил избежать одной и придерживаться другой, нашли целесообразным договариваться друг с другом, чтобы и не творить несправедливости, и не страдать от нее. Отсюда взяло свое начало законодательство и взаимный договор. Установления закона и получили имя законных и справедливых – вот каково происхождение и сущность справедливости; она занимает среднее место: ведь творить несправедливость, оставаясь притом безнаказанным, это всего лучше, а терпеть несправедливость, когда ты не в силах отплатить, – всего хуже. Справедливость же лежит посреди между этими крайностями, этим приходится довольствоваться, но не потому, что она благо, а потому, что люди ценят ее из-за своей собственной неспособности творить несправедливость [Платон 2007, 143].

Томас Гоббс впоследствии напишет, что справедливость состоит в том, чтобы соблюдать договор, а несправедливость – в том, чтобы его нарушать [Hobbes 2004, 88]. Сократ (в «Государстве») с этим категорически не согласен. Справедливость, утверждает он,

есть благо сама по себе и присуща богам. Законы же должны выводиться логическим путем из понятия блага, а не из нравов, наклонностей и договоренностей людей. Напротив, дурные нравы и наклонности следует переделать посредством законов и воспитания. Взамен кошмара афинской демократии (приговорившей Сократа к смертной казни) Платон предложил тоталитарную утопию. В его «Государстве» поэты должны были воспитывать «стражей», а стражи охранять законы. Нужна была жесткая цензура, чтобы образовать души «стражей» в духе справедливости и истины. Даже Гомера следовало отредактировать, изгнав из «Илиады» и «Одиссеи» рассказы о дурных поступках богов. Ведь «бог не может быть источником зла, как об этом говорят мифы и поэты» (379b) [Платон 2007, 172]. «Но когда говорят, что бог, будучи благом, становится для кого-нибудь источником зла, с этим всячески надо бороться...» (380b) [Там же, 173].

Маркс понял «Государство» Платона как «афинскую идеализацию египетского каменного строя», вытекающую из принципа разделения труда с целью увеличения потребительской стоимости [Маркс 1960, 378–379]. Правильность его анализа показала история. При своем воплощении социализм немедленно приобрел платоновские черты: формирование душ посредством музыки и поэзии, производственный принцип в литературе, цензура и т. п. Маяковский хотел, чтобы товарищ Сталин делал доклады о работе стихов вместе с докладами о выделке чугуна и стали («Домой», 1925 г.). И сам товарищ Сталин на встрече с литераторами якобы говорил: «Есть разные производства: артиллерии, автомобилей, машин. Вы тоже производите товар. Очень нужный нам товар, интересный товар – души людей» [Ронен 1997].

Русский философ Б.П. Вышеславцев (1877–1954) наблюдал за строительством социализма из своего эмигрантского далека. Неудивительно, что проблема свободы, в том числе – в поэзии Пушкина, была в центре его философствования. За пониманием Пушкина он обратился не к позднему Платону «Государства», а к раннему Платону «Федра». Первый не вызывал у Вышеславцева никакого восторга. Он даже отметил в примечании, что Сократ сохранил верность поэтическому призванию «ни царствовать, ни господствовать», а Платон – нет [Вышеславцев 2017, 17]. «Федр» же был истолкован Вышеславцевым через «Рождение трагедии из духа музыки» Ницше.

И вот приходится признать, что без известного безумья и опьянения поэзия невозможна. Художник творит в некоем божественном умоисступлении – говорит Платон. Поэзия творит, «как во сне», бессознательно, как Пифия. «Горячка рифм», «поэзии священный бред» свободен от всякого разумного веления. Однако на одном безумии нельзя построить поэзии и вообще искусства: нужен еще и ум. И он был у Пушкина, и очень трезвый, и пронизательный, и если в жизни ему не хватало благоразумия, то в поэзии его была мудрость. Искусство не есть хаос, но есть космос, т. е. красота, и она создается из хаоса, из стихийной игры сил. Искусство имеет в себе эти два элемента: сознание и бессознательное, Аполлон и Дионис, гармония и диссонанс, священное безумие и святая мудрость, и только такая гармония ценна, которая разрешает диссонанс [Там же, 35–36].

К проявлениям священного безумия философ относил и песню Вальсингама из «Пира во время чумы» («Все, все, что гибелью грозит...») и стихи из «Езерского» («Зачем крутится ветр в овраге...»). «Подлинное искусство есть вольное искусство, гений – всегда “вольный гений”». Но его вольность двоякая: она нуждается в низшей, стихийной, природной, космической свободе – и в высшей, духовной, мистической...» [Там же, 37]. Поэт не смешивает добро со злом, но его свобода морального суждения «не нарушается... никаким социальным заказом» [Там же]. Напротив, марксизм «морализирует в своем изобличении “эксплоатации” и вместе с тем immoralен в своей социальной и политической практике» [Там же, 41]. Книга Вышеславцева «О России и русской философской культуре» вышла в свет уже через год после его смерти, в 1955 г. До крушения тоталитарной утопии оставалось несколько десятилетий. К концу этого срока под критику неожиданно попал не марксизм, а русская культура Серебряного века с ее ницшеанскими нотками и мечтой о свободе.

В 1993 г., в преддверии пушкинского юбилея, в журнале «Новый мир» вышла статья В.С. Непомнящего «Пушкин через двести лет» [Непомнящий 1993]. Рефреном и связующей нитью ее был завет Иоанна Богослова: «Возлюбленные! не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они» (1Ин 4:1). Серебряный век, полагал автор статьи, отступил от этого завета, увлекшись теорией «трех эр» сменяющих друг друга: «эры Отца», «эры Сына» и «эры Духа». В результате «правда духа, долженствующего управлять природными стихиями человека и толпы», была подменена «правдой самой этих стихий и страстей, одичавших без своего *надшего* властелина... ищущих... облагороженности облика – и находящихся ее в экстазе “мятежного” романтизма и дионисического эстетизме». Эпифанию мятежного духа Непомнящий нашел у Блока. Но еще прежде Пушкин испытал воздействие этого духа, преодолел его и художественно объективировал в «Пире во время чумы» в образе Вальсингама.

Пушкин, прошедший «великолепный мрак чужого сада» европейского Просвещения и преодолевший искусы романтизма, слышал, куда тянет культура слепетровского времени, он предсказал – в том числе в своей трагедии – неизбежности, подстерегавшие на *таком* пути. Ответить на пушкинские предостережения мог только великий поэт, и таким был Блок. Он лучше всех мог услышать Пушкина – ибо обладал трагическим и пророческим даром. Но тяготения Блока и его культуры были иные. Гений Пушкина создал произведение-диалог, а культура Блока и Цветаевой восприняла из него лишь один монолог – гимн Чуме. Пушкин произносил предостережения, а культура начала века расслышала в них *призыв*. Трагедия этой культуры состояла в том, что если Пушкин умел и учился *различать* духов, то культура начала века считала это занятие наивным и устарелым, недостойным своих «бледных со взором, горящим» (Брюсов) *творцов*.

Последовавшая с неизбежностью катастрофа культуры оказалась, «может быть, жертвой, спасительной для культуры последующей». В советские времена культура научилась смирению, которого не было у деятелей Серебряного века. Особенно смиренной (и потому святой) была проза «деревенщиков». Совсем иначе Непомнящий оценивает «либеральную» часть культуры второй половины века. Здесь царили «общечеловеческие ценности», главной из которых почиталась «свобода». И вот свобода «грянула», желание осуществилось, и что же? Возобновилась «игра с дьяволом».

Ответ Непомнящему последовал в 1994 г. в статье И.З. Сурат «Пушкин как религиозная проблема» [Сурат 1994; Сурат 2009, 70–99]. «Несколько лет назад, при переменах в официальной идеологии, стали появляться в нашей печати публикации, из которых постепенно вырисовывался новый для нас образ благочестивого Пушкина» [Там же, 71].

Образ «православного Пушкина» наплывает на нас отовсюду – из радио- и телепередач, из легковесных журналистских статей – и закрепляется в профессиональной пушкинистике высоким авторитетом таких исследователей, как В.С. Непомнящий, который, по существу, открыл советскому читателю 70-х – первой половины 80-х годов глубокую духовную проблематику в Пушкине, но в работах последних лет, развивая эту проблематику, все чаще говорит о Пушкине языком проповеди.

Переиздавая статью в сборнике 2009 г., Сурат убрала из нее упоминание Непомнящего, закончив свою тираду словами: «закрепляется в профессиональной пушкинистике авторитетом уважаемых исследователей» [Там же]. Но спор с Непомнящим остался и легко извлекается филологическим анализом. Если Непомнящий рефреном своей статьи сделал заповедь Иоанна о разделении духов, то Сурат избрала эпитафией слова апостола Павла из Первого послания Коринфянам: «Дары различны, но Дух один и тот же; и служения различны, а Господь один и тот же; и действия различны, а Бог один и тот же, производящий все во всех» (1 Кор. 12:4–6). Единый дух – дух творчества. Разъяснение Бердяева гласит, что «подлинное, бытийственное творчество всегда в Духе, в Духе Святом, ибо только в Духе происходит то соединение благодати

и свободы, которое мы видим в творчестве» [Сурат 2009, 86]. Теорию «трех эр», порицаемую Непомнящим, Сурат упоминает как проявление творческого сознания.

В русской философии начала XX в. идея связи творчества с действиями Святого Духа получила популярность в соотнесении с концепцией «трех Заветов», трех эпох мировой истории, Эту концепцию, разработанную Иоахимом Флорским (XIII в.) и восходящую к каппадокийскому тринитарному богословию (IV в.), воскресил теоретик «нового религиозного сознания» Д.С. Мережковский и развил Н.А. Бердяев, утверждавший, что именно творчество человека составляет содержание эпохи третьего Завета: «Творчество – последнее откровение Св. Троицы, антропологическое ее откровение»; «Творчество не в Отце и не в Сыне, а в Духе, и по тому выходит из границ Ветхого и Нового Завета» [Там же].

Не вызывает у Сурат отторжения и нищезанство Серебряного века, поиски дионисийства в пушкинской поэзии [Там же, 88]. В итоге же следует вывод, напоминающий средневековую теорию «двойственной истины», позволившей некогда философии выйти из услужения теологии.

Искусство в Пушкине остается искусством – религиозным по своей природе и сути, но не совпадающим с конфессиональными путями. Взгляд на Пушкина дает нам возможность представить пути искусства и религии как две параллели, устремленные к общей точке в ином, неземном измерении [Там же, 95].

Иными словами, дух поэзии и дух конфессии – один Дух, но пути различны. Поэт не только имеет право, но обязан придерживаться своего пути. Иначе ему грозит потеря Духа.

В том же 1994 г. появилось еще одно возражение Непомнящему, гораздо более резкое по тону и жанру [Бочаров 1994]. Неслучайно была выбрана автором «нестрогая и недостаточно ответственная форма письма в редакцию». Неслучайным было и заглавие «О чтении Пушкина». Рефрен этого текста – слова из «стихотворного письма» Тимура Кибирова Сергею Гандлевскому: «Там под духовностью пудовой затих навеки вертлявый Пушкин». Пудовая духовность мешает нам «слышать Пушкина». И в связи с этим встает вопрос: «Что станет с поэзией, которой не будут позволены “неправильные” волнения, когда уже известны “правильные” ответы...?» Бочаров цитирует слова русского религиозного философа Георгия Федотова из его работы «О Св. Духе в природе и культуре» (1932 г.): «Есть стихи, свободные по преимуществу – и в своей свободе грозные для человека. Замечательно, что явления Св. Духа нередко связаны с бурным действием именно этих стихий: ветра и огня». Бочаров заключает:

Г. Федотов прекрасно знает о различии духов, но он утверждает Дух, который «один и тот же» – святой источник жизни, творчества, вдохновения. «Страшно, следуя обманчивым зовам, отдаться в плен духам стихий. *Еще страшнее угасить Дух*».

Ответом Непомнящего Бочарову и Сурат стала программная статья 1996 г. «Удерживающий теперь» [Непомнящий 1996]. Собственно, и не ответом даже (ибо имена оппонентов не названы), а изложением историософской концепции, в центре которой – Пушкин, «удерживающий» Россию от перекройки духовного строя по общепринятым меркам, «ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь...» (2 Фес. 2:7). Русская литература, утверждает Непомнящий, изначально духовна.

Вся история русской культуры с ее взлетами, подвигами, отклонениями и ересями, все ее победы и внутренние драмы совершаются относительно этой неизменной – православной – оси. Духовный путь Пушкина, трагедия Гоголя, богоборчество и «демонизм» самого, может быть, религиозного, самого верующего русского поэта Лермонтова; ересь Льва Толстого как ересь воспитанного в православии человека по отношению к православию; тяжкая драма Блока... в любом из этих и многих иных подобных явлений, везде бьется, корчится и изнывает «русская духовность», с кровью отрываема от своих вероисповедных корней и отчаянно сопротивляющаяся.

Парадоксальным образом все эти «двести лет» через революции и безбожие Россия продолжила и продолжает исполнять свою миссию, хотя и не путем следования христианской вере и правде, а «устрашающими, постыдными и неслыханно кровавыми результатами отступничества».

Знаменательно, пишет Непомнящий, что у истоков русской литературы стоит «Слово о законе и благодати» Иллариона. Попыткой заменить благодать законом оказывается не только дело Петра, но и продолжившая это дело формула «православие, самодержавие, народность», которая «была в то же время актом превращения вопроса веры, свободной совести, “благодати и истины” в вопрос “закона”, в обязанность благонадежного гражданина». Что из этого последовало, Непомнящий сформулировал в статье 1993 г.:

Слишком многие у нас убеждены, что вера вообще – а православная по преимуществу – тоже идеология, только *другая*. Но тоже тоталитарная. Разница лишь в том, что одним это не нравится, а другим очень подходит. Мы ведь научены верить в *идеи*. Но это все равно что венчаться в Планетарии.

Отправляясь от критики «свободы», от требования «различения духов», от нетерпимости к поруганию святынь, через принятие благодати вместо закона, Непомнящий приходит к критике тоталитаризма, к отвержению идеологии.

* * *

Ключевое слово в текстах Непомнящего – «путь». В статье «Пушкин через 200 лет» слово это встречается четыре раза, а в статье «Удерживающий теперь» – семнадцать раз. Означает оно – прежде и более всего – духовный путь русского человека, направленный то вверх – к небесам, то вниз – в преисподнюю, то вбок – к «общечеловеческим ценностям», но всегда «духовный». А поскольку Пушкин и есть русский человек в его развитии, каким он виделся Гоголю через 200 лет, то его путь – пример и прообраз пути. По этому пути поэт «продельывает длинный и сложный переход в “обратном” направлении – против течения нарастающей секуляризации культурного сознания, к праматеринской почве ценностей» [Непомнящий 1996]. Поэтому и написан Непомнящим «ни на что не претендующий экскурс», сделанный «в порядке намека на то, что нужна духовная история русской литературы, которая может составить основу целостной концепции русской культуры как мирового феномена и тем самым – осмысления нашего духовного пути» [Там же]. У Непомнящего, по выражению Бочарова, «торжествует концепция духовного пути как прямой восходящей линии, с вершинами на пути и регулярными в промежутках между ними падениями» [Бочаров 1994]. Читающему тексты Бочарова и Непомнящего трудно не заметить в них аллюзию на пророчество Исаи, примененное в Новом Завете к Иоанну Крестителю: «Глас вопиющего в пустыне: приготовьте путь ГОСПОДУ, прямыми сделайте в степи стези Богу нашему» (Ис. 40:3; Ср. Мф. 3:3).

Сурат не могла не отозваться на мотив «пути», и она отозвалась в статье «Пушкин о назначении России» [Сурат 2005; Сурат 2009, 100–116]. Статья появилась в 2005 г., когда 1990-е гг. уже начали уходить в прошлое, как ушла в прошлое пушкинская эпоха с ее прозрениями, уступив место реализации этих прозрений.

То, что для Пушкина было исторической перспективой и предметом угадывания, Провидения, является для нас историческим прошлым, и наше знание о прошлом не всегда встречается или совпадает с пушкинскими взглядами на будущее. Но не можем мы воспринять эти взгляды иначе как в свете уже состоявшейся реальности [Там же, 103].

Взгляды зрелого Пушкина являли собой, по мнению Сурат, «надсловную монархическую утопию, основанную на христианских ценностях» [Там же, 114]. «В этой системе взглядов уже не находится места закону – тому Закону, который юный Пушкин в оде «Вольность» (1817) провозглашал высшей ценностью и самой надежной

гарантией свободы» [Сурат 2009, 106]. Пушкин, утверждает исследовательница, рассматривал изоляцию и отсталость России «как приношение на алтарь всемирной истории и более того – как залог едва прозреваемого будущего. Провидение не оставило нас, напротив – оно и определило нам этот мученический путь» [Там же, 110]. Представление Пушкина об идеальном общественном устройстве, замечает Сурат, осталось в идеальной истории.

Мы знаем, что стало с российской монархией и что стало с Россией в XX в. Такой сокрушительной революции, какая была в России, не пережила за всю историю ни одна европейская страна. В результате мы оказались там же – в изоляции, в отчуждении от ценностей европейской цивилизации. И где теперь тот христианский мир, о котором Пушкин спорил с Чаадаевым, – в Европе он или здесь, у нас? И какова сегодня роль России по отношению к Западу? И что нам делать – интегрироваться или идти своим путем? И где он – этот путь? [Там же, 114].

* * *

Сурат цитирует слова Карамзина из «Записки о древней и новой России», которые кажутся ей основой мировоззрения позднего Пушкина [Там же, 106]:

У нас не Англия; мы столько веков видели судью в монархе и добрую волю его признавали вышним уставом... В монархе российском соединяются все власти: наше правление есть отеческое, патриархальное. Отец семейства судит и наказывает без протокола, – так и монарх в иных случаях должен необходимо действовать по единой совести [Карамзин 1991, 102].

Это же отвержение «протокола» лежит в основе представлений Непомнящего о «пути» России. Отсчет ценностей производится не «снизу», не от условий «действительности», упорядочиваемой законом, а «сверху», со стороны призвания человека, со стороны благодати и истины. «Подобная телеологическая, а не детерминистская, творческая, а не натуралистическая ценностная ориентация, когда критерий – высоко впереди, за пределами наличного состояния людей, и определила характер нарождающейся русской литературы» [Непомнящий 1996].

За всем этим видится изысканная диалектика Павла, где дух, разум, закон, свобода, совесть и благодать вступают друг с другом в сложнейшие отношения. «Если же вы духом водитесь, то вы не под законом», – учил апостол (Гал. 5:18). Правда, «закон свят, и заповедь свята и праведна, и добра» (Рим. 7:12). Более того, «закон духовен», но «человек плотян, продан греху» (Рим. 7:14). Разумом человек служит закону, а плотью – греху (Рим. 7:25). Но верующие в Иисуса живут не по плоти, а по Духу (Рим. 8:4). И, наконец, самое главное для пушкинской темы: «ГОСПОДЬ есть Дух; а где Дух ГОСПОДЕНЬ, там свобода» (2 Кор. 3:17). Евангелие от Иоанна подхватывает этот мотив: «Дух дышит, где хочет, и голос его слышишь, а не знаешь, откуда приходит и куда уходит: так бывает со всяким, рожденным от Духа» (Ин. 3:8).

И здесь находится точка расхождения между Непомнящим и Бочаровым. Для Непомнящего отрицание Закона означает утверждение благодати, а для Бочарова – свободу Духа. В «Письме в редакцию» 1994 г. Бочаров писал, возражая своему оппоненту:

Мы пришли к различению духов – основоположному, почти догматическому пункту пушкиноведения В. Непомнящего в последних его работах. В Писании тезис о различении духов вписан в более общий и сложный контекст. «Дары различны, но Дух один и тот же...» – верно ставит эпиграф к своей статье И. Сурат. Это универсальная мысль, а в дальнейших стихах той же 12-й главы Послания ап. Павла различение духов названо как один из даров: «Иному чудотворения, иному пророчество, иному различение духов...» (1 Кор. 12, 10). Пушкинисты недаром обращаются к этой богословской теме: она имеет близкое отношение к теории творчества и к пониманию Пушкина, который и сам ведь высказывался на языке своей поэзии на эту тему («Зачем крутится ветер в овраге?..» – что это как не пушкинское переложение своеобразно-парадоксальной евангельской максимы «Дух дышит, где хочет», которая, начиная

с лютеровской Библии, как и в новых русских переводах о. Кассиана Безобразова и В.Н. Кузнецовой, переводится и как «Ветер веет, где хочет»: «Таков поэт: как Аквилон, / Что хочет, то и носит он» [Бочаров 1994].

Еще прежде, в статье «Лирический мир Баратынского» [Бочаров 1985, 69–123] Бочаров назвал ветер образом свободной творческой силы, «неподвластной форме». И сослался на текст Георгия Федотова [Там же, 109]. Как отметил Е.В. Багно, развивая мысль Бочарова, синодальный перевод знаменитого стиха из третьей главы Евангелия от Иоанна («Дух дышит, где хочет») скрывает двойное значение греческого слова *пнеума* и стоящего за ним еврейского слова *руах*: и «ветер» и «дух» одновременно. Пушкин играет на этом двойном смысле в «Езерском»: «Затем, что ветру и орлу // И сердцу девы нет закона. // Гордись: таков и ты, поэт, // И для тебя условий нет» [Багно 2017, 23–24].

В 1973 г., в сборнике, посвященном Бахтину, Бочаров опубликовал статью «“Свобода” и “счастье” в поэзии Пушкина» // [Бочаров 1973; Бочаров 1974, 3–25]. Место публикации неслучайно. Двадцать с лишним лет спустя, в 1995 г., Бочаров вспомнил сказанные ему в 1970 г. слова Бахтина: «Все, что было создано за эти полвека на этой безблагодатной почве, под этим несвободным небом, все в той или иной степени порочно» [Бочаров 1995, 15]. А в статье 1973 г. Бочаров процитировал фразу П.А. Вяземского: «Неволя была, кажется, Музою-вдохновительницей нашего времени». По мнению Бочарова, эта фраза определяла поэтическую ситуацию Пушкина и намекала на его личную судьбу [Бочаров 1974, 4]. В ранней поэзии Пушкина «свобода» – «общее и внешнее слово, принадлежащее “торжественному словарю” вольнолюбивого сознания первых двух десятилетий XIX в.» [Там же, 7]. Но с 1923 г. ситуация начинает меняться, «свобода» постепенно становится «моей свободой», приобретает необщее и невеселое выражение лица: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». «При этом “покой и воля” и “счастье” противоречат одно другому – в отличие от идеала свободы-воли, которая и есть счастье» [Там же, 18].

Чем же был отмечен для Пушкина 1823 г.? В этом году, пишет Бочаров, поэт пережил кризис политических надежд, связанных с европейскими революциями. В это время были написаны стихи «Не верил он любви, свободе»; «Свободы сеятель пустынный, Я вышел рано, до звезды»; «Рекли безумцы: нет свободы, // И им поверили народы». По поводу последнего стиха («Рекли безумцы: нет свободы») исследователь как бы походя, в примечании, делает удивительно тонкое наблюдение: «Эти строки, представляющие парафразу библейского псалма (“Рече безумен в сердце своем: несть Бог”), характеризуют... статус “Свободы” как священного слова... В этом контексте “Свобода” является “Богом”» [Там же, 9–10]. Продолжим мысль Бочарова: свобода у Пушкина не просто заменяет Бога, но *отсутствие* свободы заменяет *отсутствие* Бога, освобождая людей от закона для мерзости и беззакония: «И горд и нагл пришел Разврат, // И перед ним сердца застыли, // За власть отечество забыли...». В псалмах читаем: «растлеша и омерзишася в начинаниих: несть творяй благостыню» (Пс. 13:1), «растлеша и омерзишася в беззакониих, несть творяй благое» (Пс. 52:2). И этими же словами сказано в «Полтаве» о Мазепе: «Что он не ведает святыни, // Что он не помнит благостыни, // Что он не любит ничего, // Что кровь готов он лить, как воду, // Что презирает он свободу, // Что нет отчизны для него».

Томас Гоббс цитирует слова Псалмопевца о беззаконии и трактует их так: «Сказал безумец в сердце своем: нет справедливости». Кто же этот безумец? Тот, кто полагает, что «успешный порок приобретает имя добродетели» [Hobbes 2004, 89]. Очевидно, имеется в виду софист Фрасимах из «Государства» Платона, который утверждал, что справедливость – «это то, что пригодно сильнейшему» (338с) [Платон 2007, 115]. И более того: «Несправедливость, достаточно обширная, сильнее справедливости, в ней больше силы, свободы и властности, а справедливость, как я с самого начала и говорил, – это то, что пригодно сильнейшему, несправедливость же целесообразна и пригодна сама по себе» (344с) [Там же, 124]. В XX в. нашлось много сторонников этой точки зрения.

И здесь мы замечаем возможность расхождения в понятиях. Закон и беззаконие выступают либо как вечные моральные категории, либо как элементы метаистории: от грехопадения до прихода Царствия Небесного. Бочаров цитирует слова Псалма как моральную истину, не привязанную ко времени. Во все времена человек, не признающий свободу или Бога, аморален. Непомнящий же вспоминает слова Павла из Второго послания к Фессалоникийцам: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь...» (2 Фес. 2:7) [Непомнящий 1996]. «И тогда откроется беззаконник», – предупреждает далее апостол (2 Фес. 2:8). И заклинает: «Да не обольстит вас никто никак». Беззаконие – часть катастрофы, которая постигнет мир с приходом Антихриста. Апокалиптическое видение русской истории заставляет Непомнящего требовать различения духов и остерегаться от соблазнов. Соблазнами же являются «общечеловеческие ценности» и в их числе «свобода», понятая многими как вседозволенность и пошлость [Непомнящий 2011]. Ученый пишет о своих предчувствиях:

Полтора десятилетия назад, готовя к сдаче в набор мою книгу о Пушкине «Поэзия и судьба» (ее первое издание, 1983), я был нечаянно, просто логикой изложения, поставлен перед необходимостью обозреть в самом общем виде историю отношений русской культуры (литературы) с Пушкиным на протяжении полутора веков. Обзор был беглым, лишь по основным вехам, как они мне виделись, и совсем не затрагивал современного (шел 1981 год) состояния культуры; да я и не был к этому готов. Однако в конце получившихся нескольких страничек вышло вот что: «Смею думать, что мы сейчас находимся на пороге... исторического акта самосознания русской культуры, ее отчета перед своею совестью, определения ею своего дальнейшего пути, или – уже присутствуем при этом акте и участвуем в нем. Со временем значение этого момента станет очевиднее: большое видится на расстоянии. Но это уже началось...» [Непомнящий 1996].

Апокалиптическое видение в конце 1990-х было свойственно не только Непомнящему, но и Бочарову и Сурат. Бочаров вспоминал слова Ходасевича, сказанные в 1924 г. о конце культурной эпохи и о наступлении бездуховного мрака. Через 70 лет «у нас снова грохот событий, но идущих как будто в другом направлении, и новая (она же старая) духовность, исканием которой отмечено и наше новое пушкиноведение». Эта «новая духовность», по мнению Бочарова, забывает артистический слух, вновь делает исследователей глухими к Пушкину [Бочаров 1994]. О катастрофе бездуховности писала и Сурат, имея в виду скорее то же, что и Непомнящий: коммерциализацию искусства и тотальный нигилизм. Но ее надежда на спасение определялась, кажется, более верой, чем твердым знанием истинного пути. «По вере нам и воздастся».

* * *

Летом 1999 г. за океаном вышел номер *Slavic Review*, посвященный двухсотлетию юбилею поэта. В двух материалах номера мы находим отзвуки российских споров. Статья Уэнди Слейтер «Пушкин патриотов» [Slater 1999] написана в жанре «разоблачительной истории». Сюжет статьи – «пушкинский миф», основанный на «самодержавии, православии и народности», преобразованный было на советский манер, а затем обновленный в конце советской эпохи. На мой взгляд, слабость «разоблачительной истории» – в рассмотрении мифа как чего-то злокозненно придуманного. Между тем, Пушкин в последние годы своей жизни на самом деле был «православным патриотом», далеко отошедшим от юношеского *афеизма*. «Пушкинский миф» рожден в жизни и творчестве самого Пушкина, а не навязан кем-то свыше или сбоку. Более того, истоки этого мифа коренятся в самой сути европейской культуры.

Материал Брайана Хоровица озаглавлен «Так говорил Московский пушкинист: Александр Пушкин в современной российской науке» и представляет собой обзор четырех первых выпусков «Московского пушкиниста», изданных Пушкинской комиссией

ИМЛИ РАН с 1995 по 1997 г. Название это явно намекает на заглавие философской поэмы Ницше «Так говорил Заратустра». На взгляд Хоровица, свободные размышления на религиозные темы (на манер Ницше и русских философов Серебряного века) вытесняют из российского литературоведения и со страниц «Московского пушкиниста» строгие и объективные методы структурализма. Такое направление придал сборнику его редактор – Непомнящий, «который видит в Пушкине и его работе выражение русского православного мировоззрения» [Horowitz 1999, 434]. Религиозные тенденции, замечает Хоровиц, заставляют исследователей обращаться скорее к последним годам жизни поэта, чем к его юношеским творениям. Образец иного подхода рецензент видит у Сурат. Ее метод кажется американскому ученому более верным, чем метод Непомнящего, поскольку Сурат опирается на психологические мотивы Пушкина, а не на собственный идеологический конструкт [Ibid., 436–437]. Хоровиц не замечает расхождения между Сурат и Непомнящим в трактовке Серебряного века, но, с моей точки зрения, это не столь важно. Важно, что он видит за поворотом литературоведов к позднему Пушкину не одну лишь политику, но серьезные духовные искания. В этих исканиях, добавим мы, участвовали (и участвуют) и консерваторы, и либералы, и почвенники, и западники. Многие из них могли бы сказать о себе словами Пастернака: «С кем протекли его боренья? С самим собой, с самим собой...».

Вернемся к статье Слейтер, к ее замечанию о влиянии споров о культурном каноне на чувство национальной идентичности: «В 1960-х гг. в США подъем феминизма и движения за гражданские права бросил вызов доминированию “мертвых белых мужчин” в американском литературном каноне» [Slater 1999, 407]. Заметим все же, что американские политические баталии подпитывались философским дискурсом, родившимся во Франции, но приобретшим невиданную популярность и практическое воплощение именно в США. Борьба велась с «логоцентризмом» и даже с «фаллологоцентризмом» за права тех, кто был лишен логоса, бессловесен (сексуальные и расовые меньшинства, женщины, колониальные народы и т. п.). И если в Америке речь шла об укрощении тиранического логоса, то в России – о разделении духов и о свободе духа. «Духовность» русской культуры, о которой писал Непомнящий, проявила себя в сравнении с «логичностью» культуры американской. Конечно, ничто не мешает называть эту разность романтической метафорой. Но мы знаем, что метафоры обладают уникальным свойством. Они умеют реализовывать себя.

Источники и переводы – Primary Sources and Translations

Маркс 1960 – *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Сочинения. 2-е изд. Т. 23). М.: Государственное издательство политической литературы, 1960 (Marx, Karl, *Das Kapital. Kritik der politischen Ökonomie*, Russian Translation).

Платон 2007 – *Платон.* Сочинения в четырех томах. Т. 3. Ч. 1 / Пер. А.Н. Егунова; под ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса. СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2007 (Plato, *Republic*, Russian Translation).

Карамзин 1991 – *Карамзин Н.М.* Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях. М.: Наука, 1991 (Karamzin Nikolay M., *Memoir on Ancient and Modern Russia*, in Russian).

Вышеславцев 2017 – *Вышеславцев Б.П.* Вечное в русской философии / Под ред. Л.М. Суриса. М.; Берлин: Directmedia, 2017 (Vysheslavtsev, Boris P., *The Eternal in Russian Philosophy*, in Russian).

Hobbes, Thomas (2004) *Leviathan or The Matter, Forme and Power of a Common-wealth Ecclesiasticall and Civill*, Barnes and Noble, New York.

Ссылки – References in Russian

Багно 2017 – *Багно В.Е.* Дух веет, где хочет? // Пушкин и другие (двадцать лет спустя). Сборник статей к 80-летию Сергея Александровича Фомичева / Сост. С. Денисенко, Н. Дмитриева. СПб.: Пальмира, 2017. С. 20–24.

Бочаров 1973 – *Бочаров С.Г.* «Свобода» и «Счастье» в поэзии Пушкина // Проблемы поэтики и истории литературы. К 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности Михаила Михайловича Бахтина. Сборник статей. Саранск: Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева. Кафедра русской и зарубежной литературы, 1973. С. 147–163.

- Бочаров 1974 – Бочаров С.Г. Поэтика Пушкина. Очерки. М.: Наука, 1974.
- Бочаров 1985 – Бочаров С.Г. О художественных мирах. М.: Советская Россия, 1985.
- Бочаров 1994 – Бочаров С.Г. О чтении Пушкина // Новый мир. 1994. № 6. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1994/6/o-chtenii-pushkina.html
- Бочаров 1995 – Бочаров С.Г. Событие бытия. О Михаиле Михайловиче Бахтине // Новый мир. 1995. № 11. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1995/11/sobytie-bytiya.html
- Непомнящий 1993 – Непомнящий В.С. Пушкин через двести лет. Глава из книги // Новый мир. 1993. № 6. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1993/6/pushkin-cherez-dvesti-let.html
- Непомнящий 1996 – Непомнящий В.С. Удерживающий теперь. Феномен Пушкина и исторический жребий России. Предварительные итоги XX века // Новый мир. 1996. № 5. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/5/nepomn.html
- Непомнящий 2011 – Непомнящий В.С. С веселым призраком свободы. Из дневника пушкиниста. Заметки между делом. 2011. № 150 (*Избранное Континента*). <https://magazines.gorky.media/continent/2011/150/s-veselym-prizrakov-svobody.html> (Континент. 1992. № 3 (73)).
- Роднянская 1996 – Роднянская И.Б. Поэтическая афористика Пушкина и идеологические понятия наших дней // Московский пушкинист. М., 1996. Вып. 3. С. 62–74. <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp3/mp3-062-.htm>
- Роднянская 2006 – Роднянская И.Б. Движение литературы. Т. 1. М.: Языки славянских культур, 2006.
- Ронен 1997 – Ронен О. «Инженеры человеческих душ»: история изречения // Лотмановский сборник. Вып. 2. М.: ОГИ; РГГУ, 1997. С. 393–400.
- Сурат 1994 – Сурат И.З. Пушкин как религиозная проблема // Новый мир. 1994. № 1. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1994/1/pushkin-kak-religioznaya-problema.html
- Сурат 2000 – Сурат И.З. Пушкинский юбилей как заклинание истории // Новый мир. 2000. № 6. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/6/pushkinskij-yubilej-kak-zaklinanie-istorii.html
- Сурат 2005 – Сурат И.З. Пушкин о назначении России // Новый мир. 2005. № 6. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2005/6/pushkin-o-naznachenii-rossii.html
- Сурат 2009 – Сурат И.З. Вчерашнее солнце. О Пушкине и пушкинистах. М.: РГГУ, 2009.

References

- Bagno, Vsevolod E. (2017) “The Wind Blows Where It Wishes?” *Pushkin and Others (Twenty Years Later)*, *Festschrift for Sergei A. Fomichev for his 80th Birthday*, Palmira, Saint Petersburg, pp. 20–24 (in Russian).
- Bocharov, Sergei G. (1971) *Poetics of Pushkin: Essays*, Nauka, Moscow (in Russian).
- Bocharov, Sergei G. (1973) “Liberty and Joy in Pushkin’s Poetry”, *Essays on Poetry and the History of Literature, Festschrift for Mikhail M. Bakhtin for his 75th Birthday and 50th Anniversary of his Scholarly and Teaching Activity*, Mordovia State University, Saransk, pp. 147–163 (in Russian).
- Bocharov, Sergei G. (1985) *On Art Worlds*, Moscow, Sovetskaya Rossiya (in Russian).
- Bocharov, Sergei G. (1994) “On Reading Pushkin”, *Novi Mir*, Issue 6 https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1994/6/o-chtenii-pushkina.html (in Russian).
- Bocharov, Sergei G. (1995) “The Event of Being: On Mikhail M. Bakhtin”, *Novi Mir*, Issue 11. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1995/11/sobytie-bytiya.html (in Russian).
- Horowitz, Brian (1999) “Thus Spoke Moskovskii Pushkinist: Aleksandr Pushkin in Contemporary Russian Scholarship”, *Slavic Review*, Vol. 58, No. 2, pp. 434–439 (*Special Issue: Aleksandr Pushkin 1799–1999*, Summer, 1999).
- Nepomnyaschy Valentin S. (1993) “Pushkin in 200 years. A Chapter of the Book”, *Novy Mir*, Issue 6. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1993/6/pushkin-cherez-dvesti-let.html (in Russian).
- Nepomnyaschy, Valentin S. (1996) “He who now restrains. The Phenomenon of Pushkin and the Fate of Russia. Preliminary Results of the XXth Century”, *Novy Mir*, Issue 5. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/1996/5/nepomn.html (in Russian).
- Nepomnyaschy Valentin S. (2011) “With the Overjoyed Apparition of Liberty: The Pushkinist’s Diary Notes”, *Kontinent*, Issue 150 (*Selected Papers of the Kontinent*). <https://magazines.gorky.media/continent/2011/150/s-veselym-prizrakov-svobody.html> (in Russian). First publication: *Kontinent* 1992, Issue 3 (73).
- Rodnyanskaya, Irina B. (1996) “Pushkin’s Poetic Aphorisms and the Ideological Notions of Today”, *Moskovskii Pushkinist*, Vol. 3, pp. 62–74. <http://feb-web.ru/feb/pushkin/serial/mp3/mp3-062-.htm> (in Russian).
- Rodnyanskaya, Irina B. (2006) *Literature movement*, Vol. 1, LRC Publishing House, Moscow (in Russian).
- Ronen, Omri (1997) “The Engineers of Human Souls: History of the Dictum”, *Lotmanovski Sbornik*, Vol. 2, Ogi Publishing House; Russian State University of Humanities, Moscow, pp. 393–400 (in Russian).

Slater, Wendy (1999) "The Patriots' Pushkin", *Slavic Review*, Vol. 58, No. 2, pp. 407–427 (*Special Issue: Aleksandr Pushkin 1799–1999*, Summer, 1999).

Surat, Irina Z. (1994) "Pushkin as a Religious Problem", *Novy Mir*, Issue 1. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1994/1/pushkin-kak-religioznaya-problema.html (in Russian).

Surat, Irina Z. (2000) "Pushkin's Anniversary as Incantation over History", *Novy Mir*, Issue 6. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2000/6/pushkinskij-yubilej-kak-zaklinanie-istorii.html (in Russian).

Surat, Irina Z. (2005) "Pushkin on the Destiny of Russia", *Novy Mir*, Issue 6. https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2005/6/pushkin-o-naznachenii-rossii.html (in Russian).

Surat, Irina Z. (2009) *The sun of yesterday. On Pushkin and Pushkinists*. Russian State University of Humanities, Moscow (in Russian).

Сведения об авторе

КОВЕЛЬМАН Аркадий Бенционович –
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой иудаики
Института стран Азии и Африки МГУ
им. М.В. Ломоносова.

Author's Information

KOVELMAN Arkady B. –
DSc in History, Professor, Head of Department
for Jewish Studies, Institute of Asian and African
Studies, Lomonosov Moscow State University.